

заинтересует, почему данная канцона противоречит упомянутой баллате, пусть он обратится к приведенному выше объяснению причины этого расхождения. Такого рода фигура, когда слова исходят от одного лица, а намерение – от другого, весьма похвальна и необходима в риторике; ибо увещание всегда похвально и необходимо, но не всем устам приличествует. Так, когда сыну известен порок отца, а подданному – порок господина; когда человек знает, что другу стало бы более стыдно и достоинство друга пострадало бы, начни он его поучать; когда человеку ясно, что друг его не терпит увещателей и гневается на них, – тогда эта фигура очень хороша и очень полезна и может именоваться «маскировкой». Этот прием напоминает действия мудрого военачальника, который нападает на крепость с одной стороны, чтобы заставить противника ослабить оборону другой, ибо в таком случае вспомогательное намерение и само сражение имеют разные направления.

Так и я приказываю канцоне, чтобы она испросила у благородной дамы разрешение говорить о ней. Из чего можно заключить, что человеку не пристало быть самонадеянным, восхваляя другого и предварительно должным образом не обдумав, понравятся ли похвалы лицу, которому они предназначены; ведь очень часто, думая кого-нибудь похвалить, на самом деле его порочишь, – это зависит не только от тебя самого, но и от человека, которого хвалишь. Вот почему следует в этом деле быть весьма осмотрительным, а быть осмотрительным значит как бы испросить разрешение, чего я и требую от канцоны. И на этом заканчивается все буквальное толкование в настоящем трактате, ибо порядок изложения требует от нас, чтобы мы в поисках истины перешли теперь к толкованию аллегорическому.

XI.

Как того требует порядок, я, снова возвращаясь к началу канцоны, объясняю, что дама, о которой я говорю, есть владычица разума, именуемая Философией. Однако похвалы, естественно, вызывают желание узнать восхваляемое лицо; узнать же какое-либо явление – значит, как говорит философ в начале «Физики», установить, что оно собой представляет, взятое само по себе и с учетом всех его причин; и, коль скоро название не дает этого представления, хотя и обозначает данное явление (как сказано в четвертой книге «Метафизики», определение есть суть, выраженная именем), прежде чем продолжать дальнейшее восхваление Философии, надлежит здесь же сказать, что именуется Философией, то есть установить, что это название обозначает. После того как мы это сделаем, толкование настоящей аллегории будет более убедительным. Скажу сначала, от кого пошло это название; после чего я перейду к его значению.

Вскоре после основания Рима – по словам Павла Орозия, примерно за семьсот пятьдесят лет до пришествия Спасителя – приблизительно в одно время с Нумой Помпилием, вторым царем римлян, жил в Италии некий именитейший философ, по имени Пифагор, о котором как бы вскользь упоминает и Тит Ливий в первой части своего труда. До него занимающихся философией называли не философами, а мудрецами; так, известны семь древнейших мудрецов, которых людская молва поминает и поныне: первого из них звали Солоном, второго – Хилоном, третьего – Периандром, четвертого – Клеобулом, пятого – Линдием, шестого – Биантом и седьмого – Приенеем. Пифагор же, когда его спросили, считает ли он себя мудрецом, отвечал, что он не мудрец, а лишь любомудр. И впоследствии повелось, что каждый посвятивший себя изучению мудрости стал именоваться «любомудром», то есть «философом»; ибо греческое «philos» все равно что латинское «любовь», а потому мы и говорим: «philos», как если бы мы сказали «любовь», и «sophos», как если бы мы сказали «мудрый». Из чего явствует, что оба эти слова и составляют название «философ», а это все равно что сказать «любомудр», почему нетрудно заметить, что это имя говорит не о высокомерии, а о смирении. Из этого названия рождается название соответствующего действия – Философия, подобно тому как из названия «друг» рождается название свойственного Другу действия, то есть дружба. Отсюда явствует, если принять во внимание значение первого и второго слова, что Философия не что иное, как любовь к мудрости, иначе говоря, к познанию; поэтому можно любого человека назвать философом, ибо природная любовь порождает стремление к познанию в каждом человеке.

Однако поскольку основные чувства являются общими для всех индивидуумов, составляющих единый род, их не называют словом, определяющим некоторых представителей данного